

ИСЛАМ И ПЕРЕЖИТКИ ДОИСЛАМСКИХ ВЕРОВАНИЙ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИТЕКТУРЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Э.Д. Зиливинская

*Институт этнологии и антропологии РАН
Москва, Российская Федерация
eziliv@mail.ru*

Цель исследования: рассмотреть каким образом монументальная архитектура, в частности, мемориальные постройки отражают изменения в обществе, связанные с принятием ислама в Золотой Орде и связи с другими мусульманскими государствами.

Материалы исследования: мавзолеи, которые являются наиболее многочисленными объектами монументальной архитектуры, исследованными на всей территории Золотой Орды. В работе рассматриваются как археологические памятники, так и различные изображения мавзолеев: рисунки XVIII–XIX вв. и фотографии конца XIX – начала XX вв.

Результаты и научная новизна: На основании строительной техники в Золотой Орде выделяются два направления зодчества – строительство из кирпича (обожженного и сырцового) и строительство из камня. Анализ планировки, строительных приемов, архитектурных деталей мавзолеев и строительной техники приводит к выводу, что в сложении золотоордынского мемориального зодчества прослеживается несколько направлений. Очень существенным было влияние среднеазиатской школы, связанной со строительством из обожженного и сырцового кирпича. Архитектурные формы кирпичных мавзолеев, распространенных преимущественно в степной зоне, находят прямые аналогии среди памятников Средней Азии, прежде всего, Хорезма. В памятниках, выполненных в технике каменного строительства прослеживается влияние Малой Азии и Закавказья. Оно выражается как в архитектонике зданий, так и применении некоторых строительных приемов. Золотоордынские башенные мавзолеи, скорее всего, являлись точной копией малоазийских и азербайджанских. Наряду с типичными для мусульманского мира формами мемориальных зданий, в улусе Джучи присутствовали постройки архаического облика. Здесь строились пирамидальные мавзолеи, форму которых исследователи выводят из надмогильных сооружений в виде курганов и связывают с тюркскими поминальными постройками IX–XI вв.

Ключевые слова: Золотая Орда, принятие ислама, монументальная архитектура, мавзолеи, архитектоника, строительная техника, Средняя Азия, Малая Азия, Закавказье, тюрки

Для цитирования: Зиливинская Э.Д. Ислам и пережитки доисламских верований в Золотой Орде по материалам архитектуры погребальных сооружений // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 758–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.758-783 EDN: HPQQIE

© Зиливинская Э.Д., 2023



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ISLAM AND SURVIVALS OF PRE-ISLAMIC BELIEFS IN THE GOLDEN HORDE ON THE MATERIALS OF ARCHITECTURAL FUNERAL STRUCTURES

E.D. Zilivinskaya

*Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
eziliv@mail.ru*

Abstract: *The purpose of the study:* To consider how monumental architecture, in particular memorial buildings, reflected the changes in society associated with the adoption of Islam in the Golden Horde and ties with other Muslim states.

Research materials: Mausoleums which are the most numerous objects of monumental architecture explored throughout the territory of the Golden Horde. The paper considers both archaeological sites and various images of mausoleums: drawings of the 18th–19th centuries, and photographs of the late 19th – early 20th centuries.

Results and scientific novelty: On the basis of building technology in the Golden Horde, two areas of architecture are distinguished – building from brick (fired and raw) and building from stone. An analysis of the planning, construction techniques, architectural details of the mausoleums, and construction equipment leads to the conclusion that several directions can be traced in the composition of the Golden Horde memorial architecture. The influence of the Central Asian school associated with the construction of fired and raw bricks was very significant. The architectural forms of brick mausoleums, distributed mainly in the steppe zone, find direct analogies among the monuments of Central Asia, primarily Khorezm. In the monuments made in the technique of stone construction, the influence of Asia Minor and Transcaucasia can be traced. It is expressed both in the architectonics of buildings and in the use of certain building techniques. The Golden Horde tower mausoleums, most likely, were exact copies of those in Asia Minor and Azerbaijan. Along with the forms of memorial buildings typical for the Muslim world, there were buildings of archaic appearance in the ulus of Jochi. Pyramidal mausoleums were built there, the shape of which the researchers deduce from the tomb structures in the form of barrows; these can be associated with the Turkic memorial buildings of the 9th–11th centuries.

Keywords: Golden Horde, adoption of Islam, monumental architecture, mausoleums, architectonics, construction equipment, Central Asia, Asia Minor, Transcaucasia, Turks

For citation: Zilivinskaya E.D. Islam and survivals of pre-islamic beliefs in the Golden Horde on the materials of architectural funeral structures. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 758–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.758-783 (In Russian)

Введение

Монументальная архитектура во все времена довольно чутко отражала изменения, происходившие в обществе. Прежде всего, это касается культовых зданий. В частности, с принятием ислама во всех мусульманских странах главным зданием в городе становится Джума мечеть. Именно мечети и стоящие рядом с ними минареты, возвышающиеся стройными башнями над остальной застройкой, определяют неповторимый силуэт восточного города.

Наряду с мечетями важное социальное и религиозное значение в мусульманских странах имели мавзолеи. В этом заключен некоторый парадокс, так как

в классическом исламе отвергалось возведение над могилой каких-либо сооружений. Ранние мусульмане также были против каких-либо демонстраций, связанных со смертью и погребением. Всячески порицалось публичное оплакивание с громкими криками, разрыванием одежд, посыпанием головы пеплом. Согласно одного из хадисов пророка, нужно было быстро опустить умершего в могилу, причем чем скорее, тем лучше для правоверного. Могила же должна была быть в уровень земли, и ее не должно было обозначать никакое сооружение. Такое разравнивание могил должно было быть символом равенства всех мусульман в смерти, если не в жизни. Оно относится к древнему обычаю забрасывания могилы землей, о котором говорится в Коране (сура XX:57 (55): «Из нее Мы вас сотворили и в нее вас вернем и из нее вас изведем в другой раз» [26, с. 260]. В хадисах отмечается, что пророк предостерегал от возведения над могилами специальных сооружений. Сам Мухаммед был похоронен в одной из комнат собственного дома под полом. Однако, довольно скоро над его могилой соорудили специальную постройку, а через 70 лет гробница была украшена заново и перенесена в роскошную мечеть Пророка, построенную при Омейядском халифе ал-Валиде I. Это место, несмотря на взгляды суровых ортодоксов, было провозглашено местом погребения и почитания Пророка [40, с. 253].

Тем не менее, мавзолеи начали появляться в странах мусульманского мира не сразу. В первые два века Ислама, как сами халифы, так и другие мусульмане, следовавшие их примеру, были погребены в простых могилах. Однако, стремление к роскошной погребальной архитектуре в конце концов победило косные взгляды ортодоксов. Аббасидские халифы в конце IX в. были похоронены в своих собственных гробницах. При этом большинство требований к скромности погребения не соблюдались: покойных хоронили в богатых шелковых саванах вместо простых белых из хлопка и клали в резные гробы из экзотических дорогих сортов дерева вместо простых планок, сбитых вместе, а над могилой возводили стелы с вырезанными надписями [40, с. 254]. Все это было нарушением строгих установок раннего ислама, и эти нарушения более всего воплотились в возведении мавзолеев. При этом, как это часто бывало в средневековье, оппозиция ортодоксии выступала под видом религиозной манифестации. Это выразилось в том, что самые ранние мусульманские мавзолеи были воздвигнуты над могилами выдающихся сподвижников Пророка и шиитских мучеников. Эти мавзолеи VIII–IX вв., находившиеся в Леванте, Аравии и Египте, не сохранились, но память о них долго жила в устной традиции. Самый ранний доживший до настоящего времени мавзолеев – это Кубба аль Сулабийя, усыпальница халифа аль-Мунтасира в Самарре (современный Ирак). Мавзолеев имел форму открытой со всех сторон восьмигранной постройки перекрытой куполом. Он был построен в середине IX в. по повелению матери халифа, которая относилась к греческой ортодоксальной церкви и добилась разрешения на строительство усыпальницы над захоронением сына [44, с. 135].

С IX в. мавзолеи получили широчайшее распространение в мусульманском мире и заняли существенное место в сознании приверженцев ислама. Роль этих построек в общественном сознании менялась во времени. Изначально мусульманские мавзолеи мало чем отличались от пышных мемориальных построек в других культурах и должны были возвеличить погребенного. Они были мирскими гробницами, так как каждый, у кого были средства, мог построить мавзолеев. Однако, в исламе мирское тесно переплетено с духовным, например, это относится к сподвижникам Пророка, которые могли быть знатными людьми, и в то же время имамами. Такая двойственность характерна и для мавзолеев, которые с одной стороны

являлись мирскими поминальными памятниками, а другой – должны были рождать религиозные ассоциации. Важное значение придавалось также могилам святых людей – *имамзода*. Например, некрополь Шах-и-Зинда в Самарканде был воздвигнут для членов правящей династии, но расположение его связано с местом погребения (скорее всего, ложным) Хуттама ал-Аббаса, двоюродного брата и ближайшего сподвижника Пророка [28, с. 27–31]. Быть похороненным рядом со святыми могилами считалось почетным, поэтому вокруг них возникали крупные мусульманские некрополи. Со временем имена владельцев мирских мавзолеев забывались, и устная традиция связывала их с погребениями «святых» людей. То есть, любой мавзолей мог стать объектом поклонения в «народном» или «популярном» исламе. Особого размаха почитание мавзолеев достигло с распространением суфизма, который проповедовал культ святых могил (*мазаров*).

Мавзолеи в Золотой Орде

Если говорить о Золотой Орде, как мусульманском государстве, то здесь строились все категории зданий, присущих мусульманскому миру: мечети, минареты, медресе, мавзолеи, ханака и общественные бани-хаммам. Улус Джучи стал мусульманским государством достаточно поздно, в первой половине XIV в. Официальное принятие ислама связывается с именем хана Узбека, и именно в его правление по всей стране возводятся монументальные сооружения, связанные с мусульманской религией. При этом планировочные принципы и архитектурные формы зданий были заимствованы в странах, в которых культовые постройки ислама существовали не одно столетие.

Джума мечети в Золотой Орде построены по единому плану: это прямоугольные или квадратные залы, разделенные колоннами на нефы. То есть они имели базиличную планировку, характерную для сельджукской Малой Азии. При этом техника строительства могла быть не обязательно малоазийской, для которой характерно строительство из камня и резной каменный декор. Мечети, возведенные мастерами из Средней Азии из сырца или обожженного кирпича, украшенные резным ганчем и изразцовыми мозаиками, также представляли собой колонные залы [16, с. 20–45]. Такое единообразие планировки свидетельствует о том, что существовал определенный регламент в постройке этих культовых зданий, и регламент этот мог исходить только от верховной власти.

В отличие от мечетей, архитектура погребальных памятников в Золотой Орде гораздо более разнообразна. Мавзолеи являются самыми многочисленными объектами монументальной архитектуры, в настоящее время их известно более 100 на территории этого государства. Обзор построек показывает, что среди них прослеживается широкий спектр архитектурных форм и планировочных решений [16, с. 100–145]. В настоящее время проведена систематизация всех имеющихся данных и создана развернутая типология золотоордынских мавзолеев. В классификации, используются следующие признаки: количество помещений; форма здания; отсутствие или наличие порталов; форма портала; форма покрытия; наличие или отсутствие подземного или полуподземного склепа-крипты [16, с. 145–168].

Эта классификация отчетливо показывает, что в Золотой Орде существовала довольно развитая архитектура мемориальных построек. Многообразие типов мавзолеев свидетельствует о том, что они были принесены из разных стран мусульманского мира, причем в различных частях огромного золотоордынского государства могут превалировать те или иные заимствования. Некоторые постройки вполне оригинальны и являются результатом творческой переработки уже известных типов планировки.

Большая часть мавзолеев известна нам в виде археологических остатков, по которым можно лишь приблизительно судить об их внешнем облике. Однако, некоторые постройки сохранились полностью до настоящего времени, другие, уже утраченные, были зарисованы в XVIII–XIX вв. или же сфотографированы в конце XIX – начале XX вв. Анализ этого материала позволяет нам с достаточной долей вероятности реконструировать большую часть зданий, от которых остались только нижние части стен. Если собрать весь имеющийся у нас материал, то можно не только определить генезис отдельных типов мавзолеев, но и проследить распределение сфер влияния различных архитектурных школ в разных частях Золотой Орды. Для этого необходимо рассмотреть не только планировку мемориальных сооружений, но и проанализировать строительную технику и детали внешнего и внутреннего оформления. В пределах Золотой Орды выделяются два направления зодчества – строительство из кирпича (обожженного и сырцового) и строительство из камня. Существует также смешанная техника, когда отдельные части здания строятся из различных материалов.

Рассмотрим те мемориальные постройки, внешний вид которых нам хорошо известен. Классическим примером изображения золотоордынских мавзолеев являются цветные гравюры К. Гайслера из книги П.С. Палласа, на которых изображены четыре последних мавзолея Маджара. Еще в середине XVIII в. маджарский некрополь насчитывал около 50 построек [14; 15]. В 1793 году П.С. Паллас нашел только четыре не разрушенных мавзолея, которые и были зарисованы (рис. 1.1–3). От остальных остались лишь основания, которые располагались вдоль реки в три ряда [43, S. 276–284]. Не менее подробны и выразительны акварели известного пейзажиста второй половины XVIII века М.М. Иванова, которые были недавно обнаружены в Отделе рисунка Государственного Русского музея [19]. Они относятся к 1783 г., времени, когда М.М. Иванов состоял в военной службе при князе Г.А. Потемкине на Кавказе и сделал несколько акварельных рисунков «Маджарских развалин» (рис. 2.1–3). Еще раньше, в 1742 г. панораму маджарского некрополя зарисовал «Академии наук ученик живописный» Михаил Некрасов, посланный Астраханским губернатором В.Н. Татищевым для зарисовки маджарских развалин [30]. И, хотя, здания на панораме изображены очень мелко, при увеличении можно видеть, что здесь находились мавзолеи разных типов [14; 15]. По рисунку М. Некрасова была сделана литография, которая опубликована в альманахе А.Ф. Бюшинга, наряду с рисунком неизвестного автора еще трех мавзолеев из Маджара и окрестностей [41, s. 530] (рис. 3. 1–4).

Основной тип мавзолеев на этих рисунках – это здания с кубическим основанием, на котором поставлен двенадцатигранный барабан, перекрытый граненым шатровым куполом. Часть построек утратила шатровое покрытие и перекрыто только внутренним полусферическим куполом. Большинство мавзолеев этого типа имеют высокий, выступающий портал, плоскость которого расчленена прямоугольными рамами, образованными выпуклыми орнаментальными фризами. Внутри рамы находится стрельчатая арка, ведущая к двери мавзолея. В глубокой арке портала, на ее боковых стенах сделаны небольшие ниши также стрельчатого очертания.

Хорошо известен по изображениям мавзолеев Кесене/Кешене на юге Челябинской области (рис. 3.5). Памятник находился в незаселенной местности, поэтому сохранился до начала XX в. Описание и рисунки его приводят П.С. Паллас [42, Pl. X, p. 428], и И.А. Кастанье [21, с. 49–50; 22, с. 62–63, рис. 72]. Здание было прямоугольным в плане. В северной части находилась усыпальница (гурхана), в южной – портал. Квадратная в плане усыпальница переходит в двенадца-

тигранный барабан, увенчанный шатровой крышей с таким же количеством граней. С южной стороны здания находился широкий, тщательно проработанный портал. В щечковых стенах портала находились прямоугольные в сечении ниши. Раскопки, проведенные в мавзолее, показали, что здание некогда было украшено поливными изразцами [4, с. 162–165].

Почти полностью сохранился и в настоящее время отреставрирован мавзоль Абат Байтак в Западном Казахстане [2]. Мавзоль имеет такое же строение, но барабан его состоит из одиннадцати граней и перекрыт коническим куполом (рис. 3.6). Во внешней облицовке барабана встречаются поливные кирпичи с зеленовато-бурой поливой плохого качества.

Часть золотоордынских мавзолеев сходной архитектоники являются фасадными. То есть, они не имеют выступающих порталов, но стена с входом также выделена прямоугольными рамами. Такие мавзолеи можно видеть на рисунке из альманаха Ф. Бюшинга и на акварели М.М. Иванова, изображающей мавзоль в селении Маслов Кут близ Маджара (рис. 2.3). Беспортальные мавзолеи, наряду с портальными, также известны по материалам археологических раскопок во всех частях золотоордынского государства.

Все перечисленные выше постройки сложены из обожженного кирпича, иногда с декорировкой изразцами. Соответственно аналогии этим памятникам нужно искать в регионах, где было развито кирпичное строительство.

Кирпичные мавзолеи призматического объема, переходящего в круглый или многогранный барабан, увенчанный коническим или многогранным шатровым куполом наиболее характерны для различных регионов Средней Азии. Одни здания имеют развитый портал, у других только выделен входной аркой один из фасадов. Генезис их был подробно рассмотрен Г.А. Пугаченковой [31; 27, с. 86–88]. Исследовательница считает, что прообраз шатровых мавзолеев следует искать в погребальных памятниках среднеазиатских кочевых народов, прежде всего, присырдарьинских тюрок (сельджуков), у которых существовали шатровые, конические и пирамидальные надмогильные и поминальные сооружения. В результате сельджукских завоеваний X–XI вв. шатровые мавзолеи получили распространение в мусульманском зодчестве. В северных областях Средней Азии в XI–XII вв. возникает несколько вариантов архитектурного решения шатровых погребальных памятников. Соединение формы кубического и башенного мавзолеев дало форму центрического мавзолея, примерами которого могут считаться Ак-Сарай-динг у Ташауза (Хорезм), Айша-биби в Таразе (Южный Казахстан) (рис. 4.1–2). Сходны с ними и фасадные мавзолеи, такие как Бабаджа-хатун возле Тараза и мавзоль Фахреддина Рази (рис. 4.3–4) в Куны Ургенче (Хорезм). При введении в XII в. в эту композицию такого элемента как развитый портал (пештак) возникает новая форма «портально-шатровых» мавзолеев. По мнению Г.А. Пугаченковой, эта композиция специфична для Средней Азии, и нигде больше в это время не встречается [27, с. 88]. Образцом шатровых усыпальниц с порталом является мавзоль Текеша (рис. 4.5) в Куны Ургенче. Эта схема получила широкое распространение и в более позднее время. Одним из шедевров портальных мавзолеев с шатровым покрытием XIV в. является Гумбаз Манаса в Киргизии (рис. 4.6). Из Средней Азии она проникает в Золотую Орду.

Еще одним примером проникновения среднеазиатских, а именно хорезмийских традиций в Золотую Орду может считаться мавзоль № 1 в Мохше [17]. Здание имело сложную конфигурацию и состояло из четырех помещений (рис. 5.1). Вход находился с южной стороны и был оформлен массивным порталом. К северу от портала находилось небольшое тамбурное помещение, к которому с восточной

и западной сторон пристроены две квадратные в плане комнаты. Внешние южные углы этих комнат оформлены пилонами, которые, вероятно, являлись основаниями угловых башен. К внешним северным углам были пристроены трехчетвертные круглые башенки. Северная часть мавзолея представляла собой обширное почти квадратное в плане помещение, под которым находился склеп.

К мавзолею № 1 очень близок по плану мавзолеев Наджмеддина Кубра в Куня-Ургенче, который возведен между 1321–1333 гг. над могилой известного шейха, главы и основателя дервишского ордена Кубави. Оба здания имеют близкие размеры и Т-образную планировку (рис. 5.3). По центральной оси находится массивный портал с айваном, тамбур и большое купольное помещение. По бокам к тамбуру примыкают квадратные помещения, которые также перекрыты куполами. Постройки несколько отличаются по строительной технике. Хорезмийский мавзолеев построен из обожженного кирпича и портал его богато декорирован поливными изразцами. Фундамент Мохшинского мавзолея возведен из бутового камня, а стены полностью или частично – из обожженного кирпича и отделаны внутри облицовочными камнями и резными каменными деталями. То есть, совершенно очевидно, что архитектором, строившим мавзолеев, скорее всего, был хорезмиец, а непосредственно в строительстве принимали участие местные мастера.

Некоторое отличие есть и во внешней отделке: все внешние углы мохшинского мавзолея были украшены колоннообразными выступами различного диаметра. Учитывая эти особенности и исходя из сходства планировки и размеров с мавзолеем Наджмеддина Кубра, можно сделать реконструкцию внешнего облика мавзолея № 1 в Мохше (рис. 5.2).

Другим направлением монументального зодчества в Золотой Орде является строительство из камня. Каменное строительство характерно для таких регионов как Волжская Болгария и Крым. В Болгаре несколько мавзолеев сохранилось до наших дней. Восточный и западный мавзолеев состоят из двух ярусов, перекрытых куполом (рис. 6.1). Нижний их ярус квадратный в плане. Призматическое основание при помощи среза углов наклонными поверхностями переходит в восьмигранник, который, в свою очередь, перекрывается куполом. Внутри переход к восьмиграннику осуществляется при помощи пирамидальных тропов. Внутренний уплощенный полусферический купол мавзолеев снаружи перекрыт каменным шатровым покрытием. Дверные проемы оформлены не широкими выступающими порталами.

Такую же структуру имел мавзолеев «Ханская усыпальница» до реставрации¹ (рис. 6.2). Разница заключается в том, что призматическое основание его несколько выше, а восьмигранник имеет небольшую высоту. Кроме того, это здание не имело портала. Практически полностью копирует архитектурную форму Восточного и Северного мавзолеев в Болгаре усыпальница «Тура-хана» в Башкирии (рис. 6.3). Этот памятник, стоящий в степи, довольно грубо сложен из рваного или слегка подтесанного камня. К этой же группе следует отнести мавзолеев «Бей Юде-султан» в Азизе (Бахчисарае)². Очень небольшое здание также состоит из кубического основания, которое при помощи треугольных скосов переходит в восьмигранник, перекрытый куполом (рис. 6.4). Мавзолеев имеет выступающий пор-

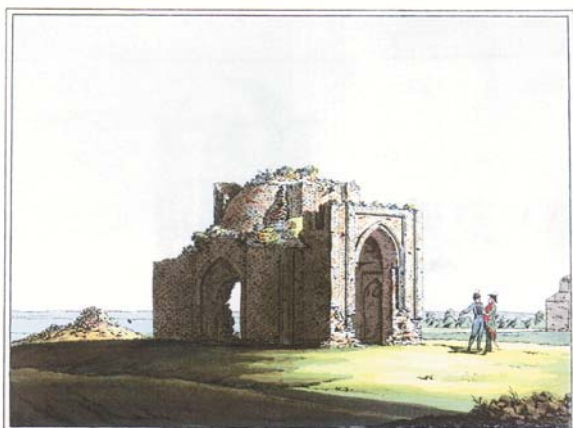
¹ В настоящее время мавзолеев представляет собой куб, перекрытый полусферическим куполом без какого-либо перехода к нему. На мой взгляд это неверно, подробно об этом [16, с. 104].

² По поводу датировки этого мавзолея существуют различные мнения. В.П. Кирилко на основании находки одной монеты датирует его XVIII в. [24, с. 25]. В то же время его архитектурная форма однозначно позволяет отнести этот памятник к XIV–XV вв. [18].

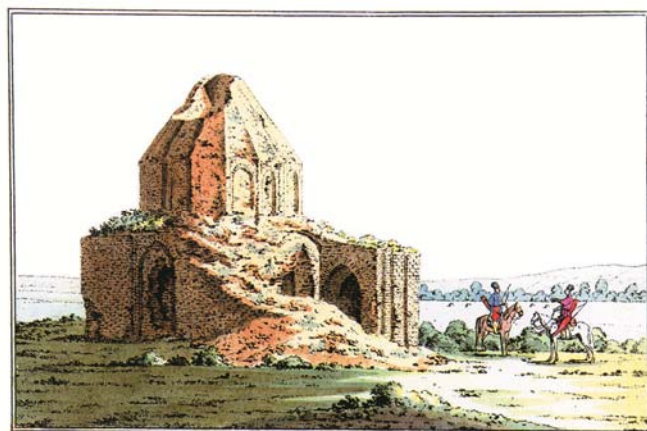
тал, от которого до середины XX в. сохранялся один пилон, в щековой стороне которого была сделана пятигранная ниша с завершением в виде трехъярусного ячеистого полукупола подтреугольного очертания.

Все эти постройки имеют определенное сходство с мавзолеями Малой Азии сельджукского периода. Для сельджукского периода характерно строительство так называемых башенных мавзолеев, круглых или многогранных в плане построек, перекрытых шатровыми крышами. Некоторые из них имеют квадратный в плане цоколь, который посредством скоса углов переходит к следующему ярусу (рис. 6.5-6). Таковы, например, мавзолеи Дёнер Кюмбет в Кайсери (XIII в.), Улу Кюмбет в Ахлате (XIII в.), Мелик Гази в Акшехире (XII в.) [40, р. 306–309]. С малоазийскими сходны башенные мавзолеи Азербайджана, например, мавзолей Гюлистан XII–XIII вв. в сел. Джуга (рис. 6.7) также имеет квадратный в плане цоколь, который клинообразными скосами переходит в двенадцатигранник [5, с. 124–127]. Переход от четверика к восьмиерику при помощи треугольных скосов настолько прочно ассоциируются с малоазийским зодчеством, что получил в литературе название «турецкий треугольник» [33, с. 145]. Также типичны для сельджукской архитектуры и пирамидальные тропы, служащие для перехода к восьмиграннику внутри помещения. Наиболее известным примером применения треугольных тропов является медресе Бююк Каратай в Конье (1251 г.) [44, р. 33]. Такие же тропы, но несколько упрощенные и грубо выполненные, мы видим в мавзолеях Болгара и усыпальнице Тура-хана. Золотоордынские мавзолеи этой группы во многом сходны с башенными мавзолеями Малой Азии и Азербайджана, но имеют свои особенности. У них та же объемная структура, но несколько иные пропорции: нижний ярус выше, и скосы начинаются на большей высоте, а верхний, восьмигранный ярус не превышает по высоте нижний. Они кажутся более широкими и приземистыми, и их никак нельзя назвать башнями. Кроме того, у большинства башенных мавзолеев Азербайджана и Малой Азии нет развитого портала. Тем не менее, при некотором изменении пропорций из малоазийского башенного мавзолея легко получается болгарский (рис. 6.8). Кроме того, форма болгарских мавзолеев наблюдается и в других постройках Малой Азии. В частности, надстройка караван-сарая Каратай-хан XIII в. близ Кайсери является точной копией Восточного мавзолея в Болгаре (рис. 6.9).

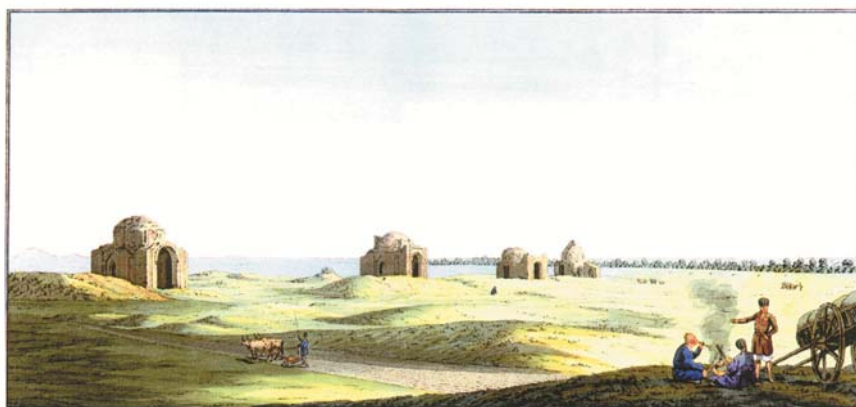
Самым крупным мавзолеем в Болгаре является Черная палата (рис. 7.1). По вертикали здание разделено на четыре яруса. Нижний, цокольный ярус имеет форму усеченной пирамиды, в северной стене которой сделан вход со стрельчатым верхом, ведущий в нижнее, полуподземное помещение. Второй ярус квадратный в плане, его высота вдвое меньше длины и ширины. По центру всех его сторон сделаны дверные проемы стрельчатого очертания, на южной стене по сторонам от двери находятся два окна стрельчатой формы. Третий ярус также квадратный в плане, но несколько меньших размеров, каждая стена его снабжена небольшим стрельчатым окошком. Четвертый ярус представлен восьмигранной призмой, все восемь граней которой имеют по одному окну, со стрельчатым, а затем прямоугольным обрамлением. Восьмигранник перекрыт несколько уплощенным куполом, пологая форма и незначительная толщина кладки которого, позволила предположить, что он имел внешнее покрытие. В.В. Егоров считал, что оно было конической формы и, возможно, было выполнено из дерева [11, с. 369].



1



2



3

Рис. 1. Мавзолеи Маджара, гравюры из сочинений П.С. Палласа.

Fig. 1. Mausoleums of Madjar, engravings from the works of P.S. Pallas.



Рис. 2. Мавзолеи Маджара, акварели М.М. Иванова.
 Fig. 2. Mausoleums of Madjar, watercolors by M.M. Ivanov.

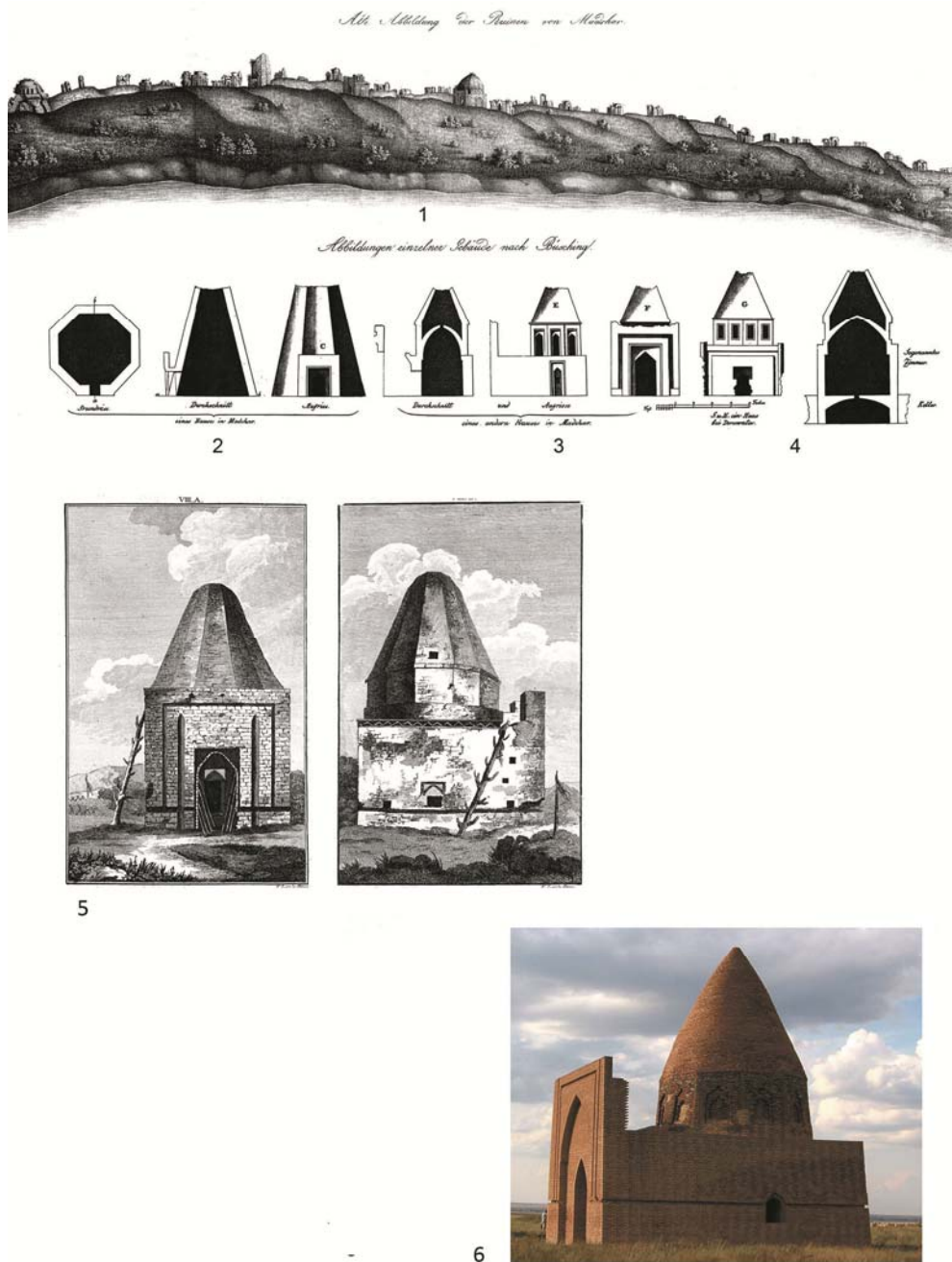
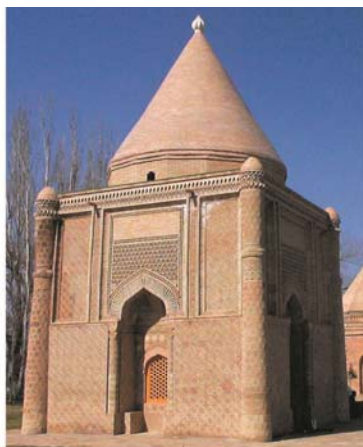


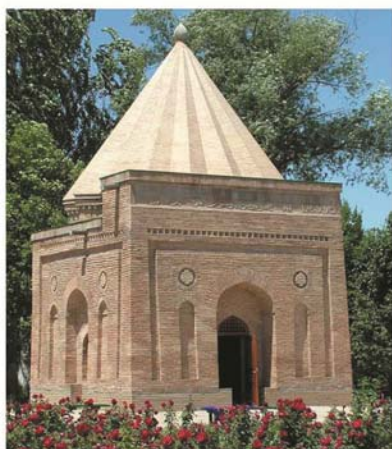
Рис. 3. Изображения мавзолеев Маджара (1–4), мавзолеев Кесене и Абат Байтак:
1–4 – гравюра из альманаха А.Ф. Бюшинга, 1 – воспроизведение рисунка М.Некрасова;
2 – пирамидальный мавзолей в Маджаре; 3 – порталный мавзолей с шатровым
покрытием в Маджаре; 4 – фасадный мавзолей с шатровым покрытием в местности
Дерсовата; 5 – Кесене, литография из сочинений П.С.Палласа 1795 г.; 6 – Абат Байтак.
Fig. 3. Images of the mausoleums of Madjar (1–4), the mausoleums Kesene and Abat Baytak:
1–4 – an engraving from the almanac of A.F. Busching, 1 – reproduction of the drawing by
M. Nekrasov; 2 – pyramidal mausoleum in Madzhar; 3 – portal mausoleum with a tent covering
in Madzhar; 4 – facade mausoleum with a tent covering in the Dersovata area; 5 – Kesene,
lithograph from the works of P.S. Pallas, 1795; 6 – Abat Baitak.



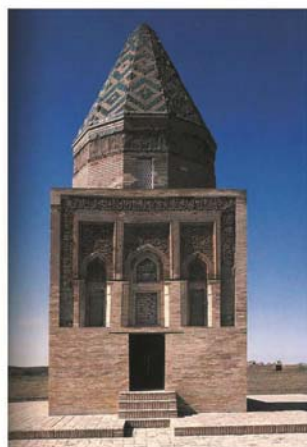
1



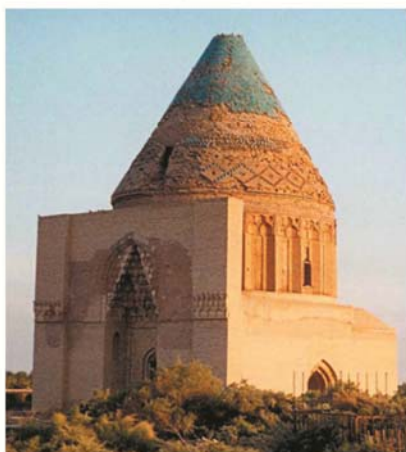
2



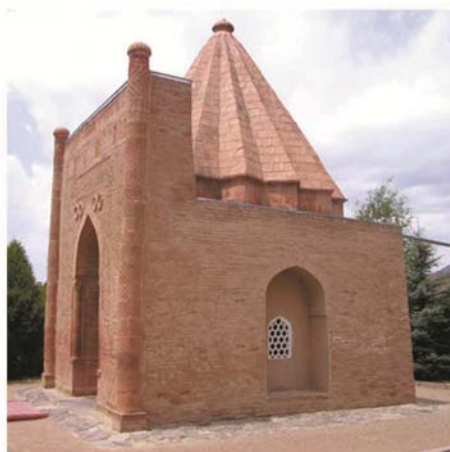
3



4



5



6

Рис. 4. Шатровые мавзолеи Средней Азии: 1 – Ак-Сарай-динг; 2 – Айша-биби;
 3 – Бабаджа-хатун; 4 – Фахреддина Рази; 5 – султана Текеша; 6 – гумбез Манаса.
 Fig. 4. Mausoleums with hipped roofs of Central Asia: 1 – Ak-Saray-ding; 2 – Aisha-bibi;
 3 – Babaja Khatun; 4 – Fakhraddin Razi; 5 – Sultan Tekesh; 6 – gumbaz Manas.

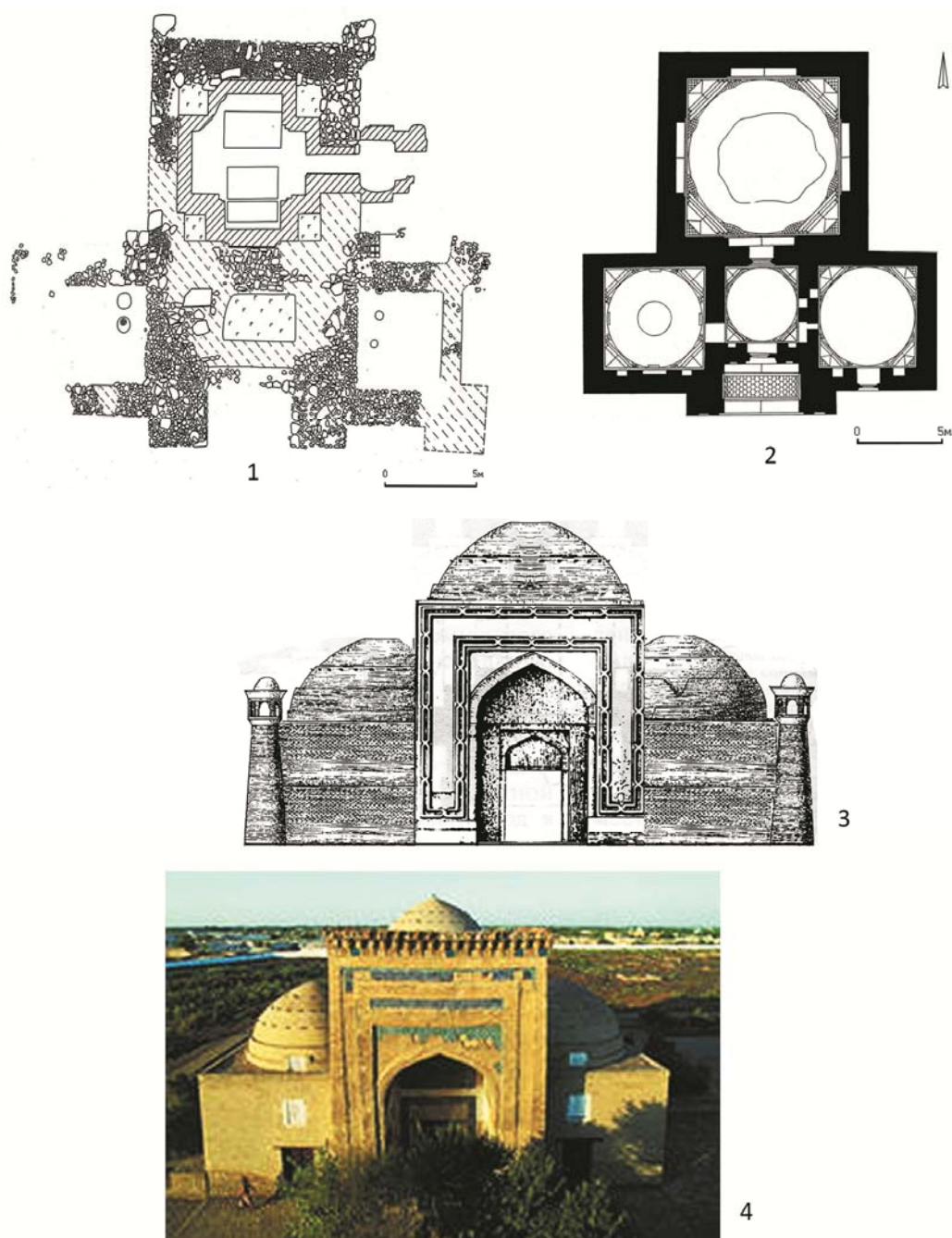


Рис. 5. Мавзолеи сложного плана: 1–2 – мавзолей № 1 в Мохше;
3–4 – Наджмеддина Кубра в Куня-Ургенче.

Fig. 5. Mausoleums of a complex plan: 1–2 – mausoleum No. 1 in Mokhsa;
3–4 – Najmeddin Kubra in Kunya-Urgench.

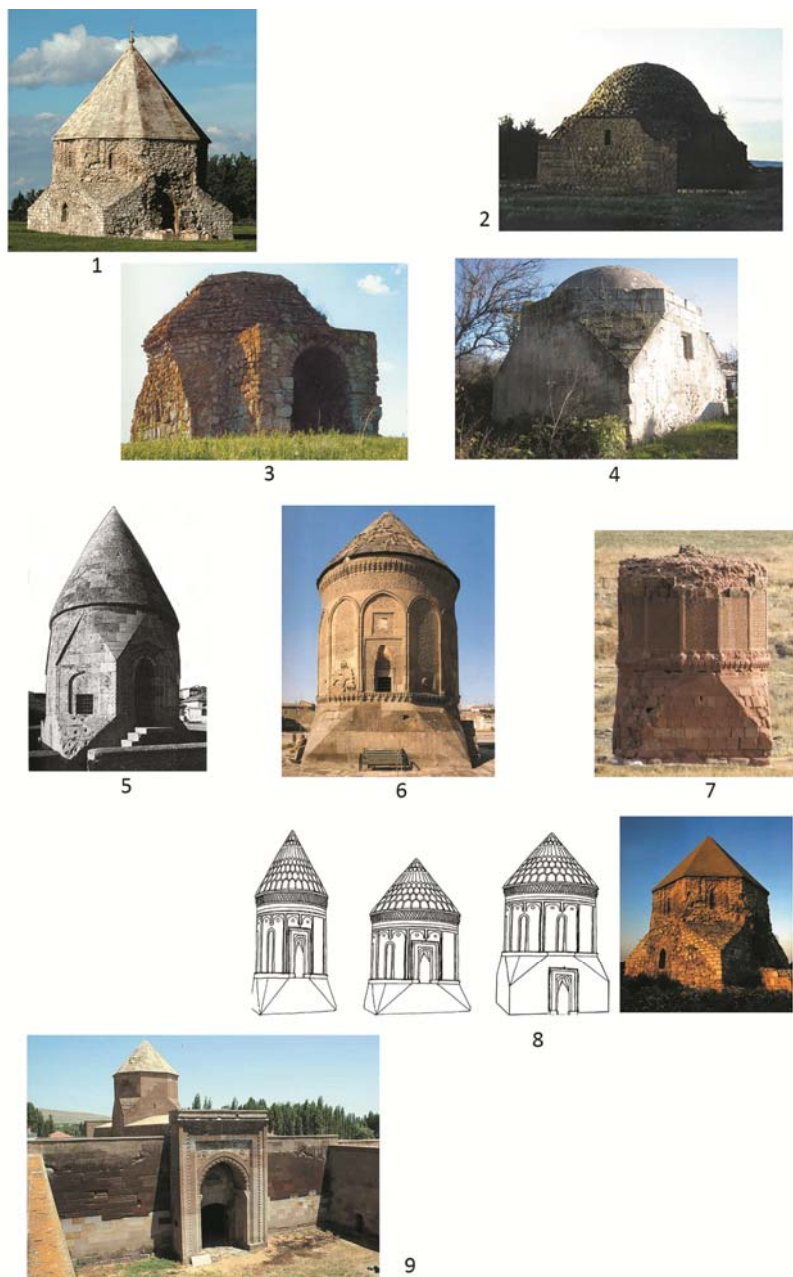
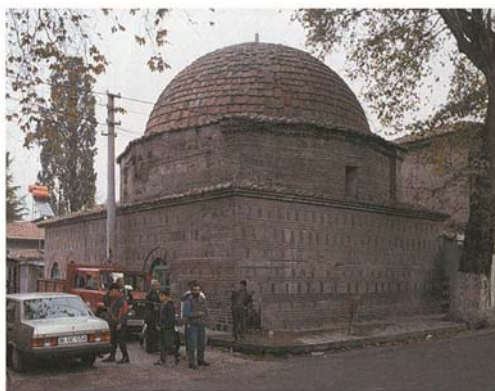


Рис. 6. Каменные шатровые мавзолеи с квадратным основанием в Золотой Орде (1–4) и Малой Азии (5–6) и Азербайджане (7): 1 – Восточный мавзолей в Болгаре; 2 – Ханская усыпальница в Болгаре; 3 – мавзолей Тура-хана в Башкирии; 4 – мавзолей Бей Юде-султан в Азизе; 5 – Мелик Гази в Акшехире; 6 – Дёнер Кюмбет в Кайсери; 7 – Гюлистан у с. Джуга; 8 – схема трансформации малоазийского башенного мавзолея в болгарский; 9 – караван-сарай Каратай-хана.

Fig. 6. Stone hipped mausoleums with a square base in the Golden Horde (1–4) and Asia Minor (5–6) and Azerbaijan (7): 1 – Eastern mausoleum in Bolgar; 2 – Khan's tomb in Bolgar; 3 – the mausoleum of Tura Khan in Bashkiria; 4 – the mausoleum of Bey Yude-sultan in Aziz; 5 – Melik Gazi in Aksehir; 6 – Doner Kumbet in Kayseri; 7 – Gulistan near the village Juga; 8 – a diagram of the transformation of the Asia Minor tower mausoleum into the Bulgarian one. 9 – Caravanserai of Karatai Khan.



1



2



3



4



5

Рис. 7. Черная палата и ее аналоги: 1 – Черная палата; 2 – мечеть Хаси Узбека в Изнике (1333 г.); 3 – Зеленая мечеть в Изнике (конец XIV в.); 4 – Мурад Паша Джамии в Бурсе (1378 г.); 5 – мавзолеи при мечети Мурад Паша в Бурсе.

Fig. 7. Black Chamber and its analogies: 1 – Black Chamber; 2 – Mosque of Hasi Uzbek at Iznik (1333); 3 – Green Mosque at Iznik (late 14th century); 4 – Murad Paşa Cami at Bursa (1378); 5 – mausoleums attached to Murad Pasha Mosque at Bursa.

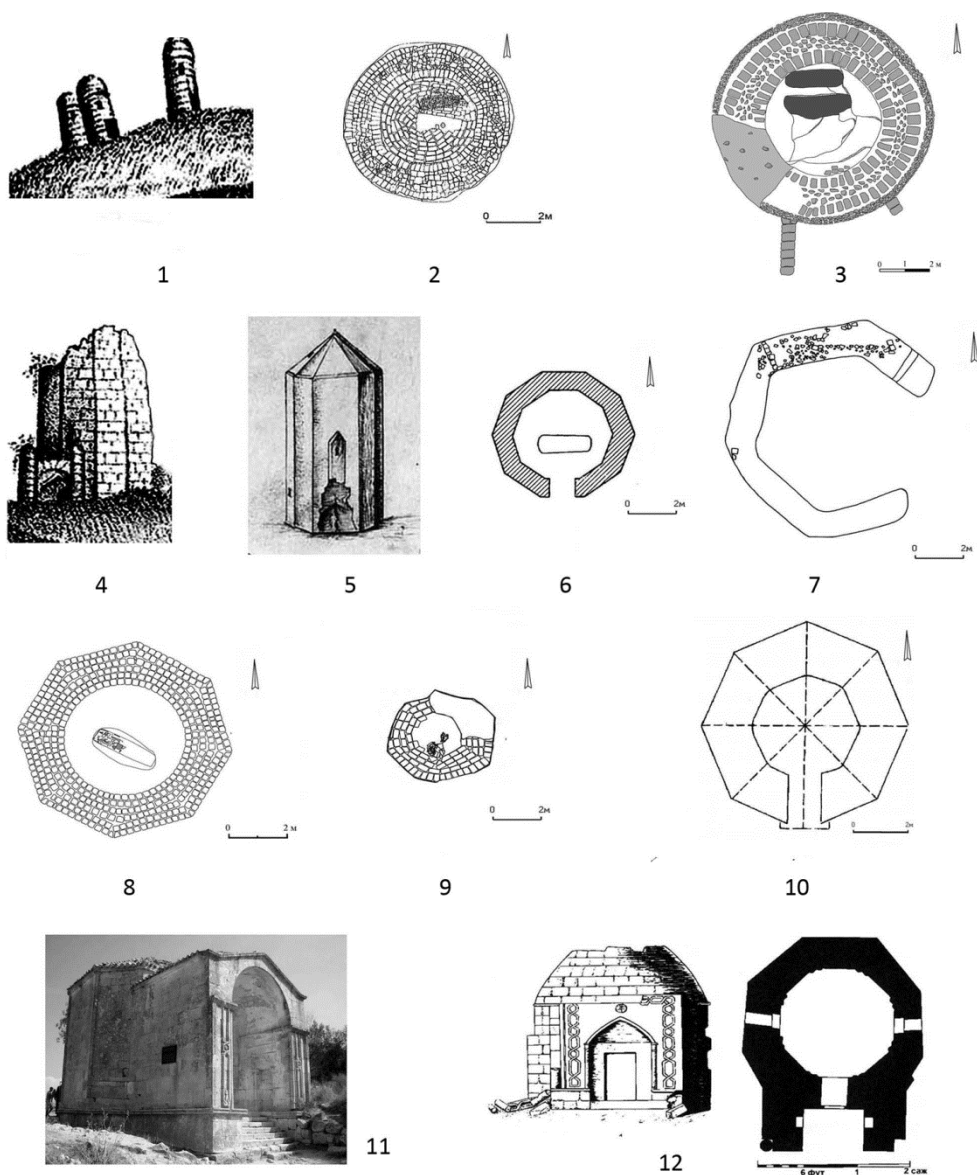


Рис. 8. Башенные мавзолеи в Золотой Орде круглые (1–3) и многогранные (4–12) в плане: 1 – Маджар; 2 – Шарахалсун; 3 – Жайык; 4 – Маджар; 5 – неизвестный мавзолей с карты Штедера; 6 – близ Эссентуков; 7 – Царевское городище; 8 – Солодовка 1; 9 – хут. Веселый; 10 – у с. Изобильное; 11 – Джанике-ханым; 12 – на р. Мечетной.

Fig. 8. The tower mausoleums in the Golden Horde are round (1–3) and multifaceted (4–12) in plan: 1 – Madjar; 2 – Sharakhalsun; 3 – Zhaiyk; 4 – Madjar; 5 – unknown mausoleum from the Shteder map; 6 – near Essentuki; 7 – Tsarev settlement; 8 – Solodovka 1; 9 – farm Veseliy; 10 – near the village of Izobilnoye; 11 – Janike-khanym; 12 – on the Mechetnaya river.

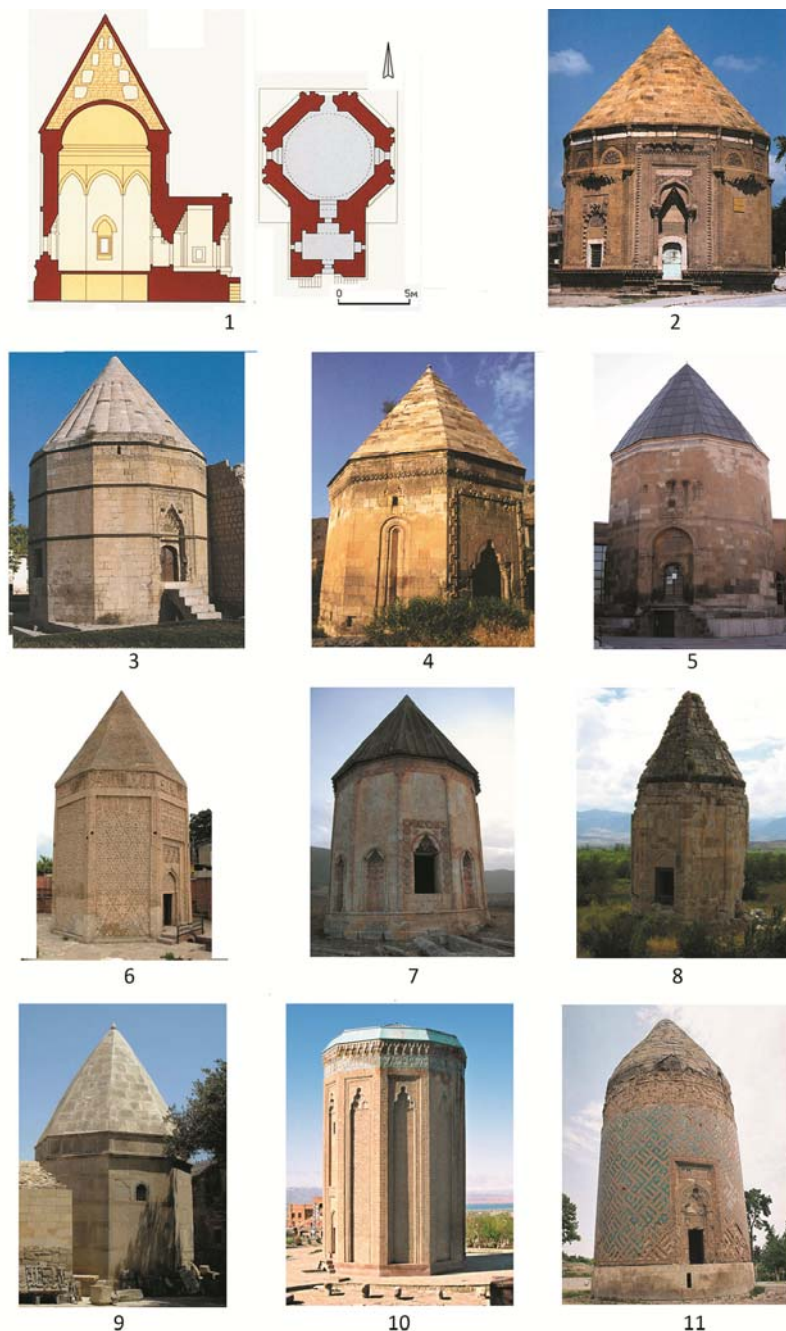


Рис. 9. Башенные мавзолеи Малой Азии (1–5) и Азербайджана (6–11): 1 – Али Кафер в Кайсери; 2 – Караманоглу Алаеддин бей в Карамане; 3 – дюрбе Худавент хатун в Нигде; 4 – Ситте Мелик в Дивриги; 5 – Кылыч Арслана в Конье; 6 – Юсуфа ибн Кузейра; 7 – Хачин-Дорбатлы; 8 – мавзолей Йахьи ибн Мухаммада ал-Хаджа; 9 – мавзолей Сейида Яхья Бакуви; 10 – Момине Хатун; 11 – мавзолей в Барде.

Fig. 9. Tower mausoleums of Asia Minor (1–5) and Azerbaijan (6–11): 1 – Ali Kafer in Kayseri; 2 – Karamanoglu Alaeddin Bey in Karaman; 3 – durbe Khudavent khatun in Nigde; 4 – Sittet Melik in Divrigi; 5 – Kylych Arslan in Konya; 6 – Yusuf ibn Quseir; 7 – Khachin-Dorbatly; 8 – the mausoleum of Yahya ibn Muhammad al-Khaj; 9 – mausoleum of Seyid Yahya Bakuvi; 10 – Momine Khatun; 11 – mausoleum in Barda.

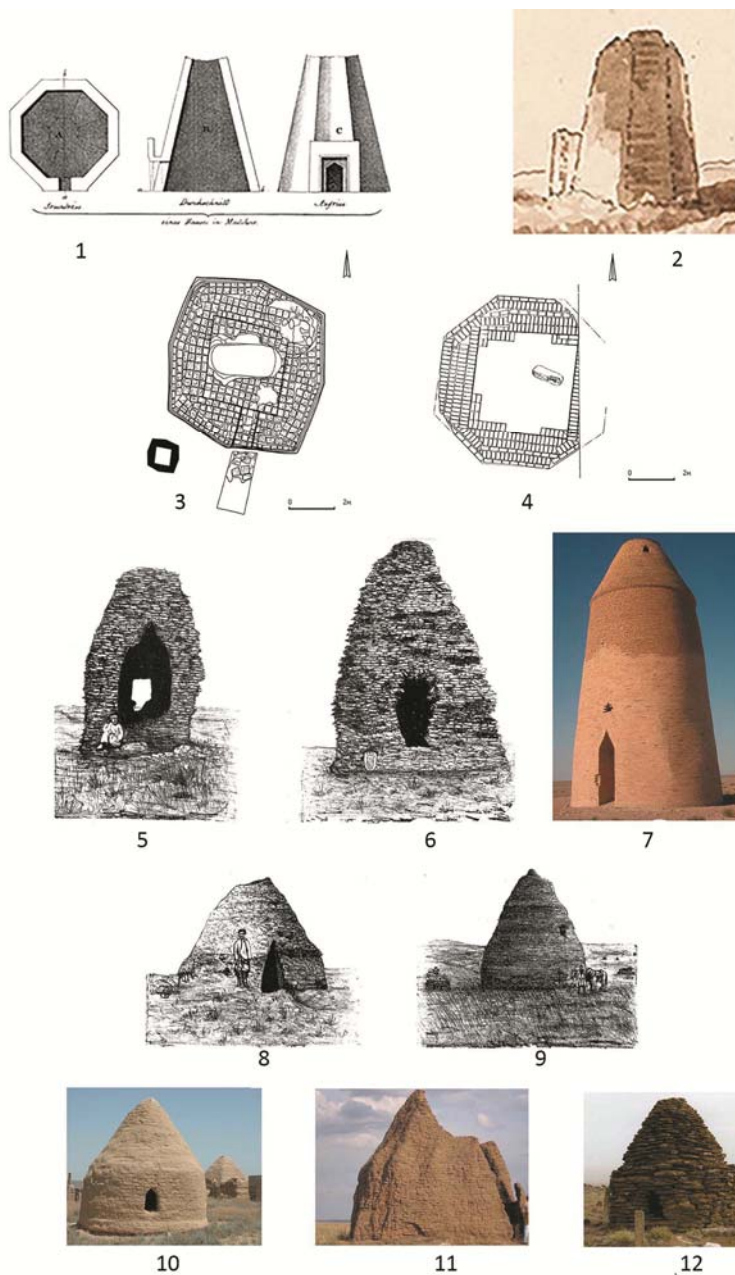


Рис. 10. Пирамидальные мавзолеи Золотой Орды (1–4) и Казахстана (5–12):
 1–2 – Маджар; 3–4 – Поволжье; 5 – Дынгек; 6 – Козу Корпеч; 7 – башня Сараман-коса;
 8–9 – сырцовые мавзолеи Центрального Казахстана (по И.А.Кастанье); 10 – сырцовый
 мавзолей на современном некрополе Ешкикырган в Мангистаунской области;
 11 – сырцовый мавзолей на могильнике Абат Байтак в Западном Казахстане;
 12 – мазар Шилков-Мейрама в Западном Казахстане.

Fig. 10. Pyramidal mausoleums of the Golden Horde (1–4) and Kazakhstan (5–12):
 1–2 – Madjar; 3–4 – the Volga region; 5 – Dyngek; 6 – Kozu Korpech; 7 – Saraman-spit tower;
 8–9 – raw mausoleums of Central Kazakhstan (according to I.A. Kastanye);
 10 – raw mausoleum at the modern necropolis of Eshkikirgan in the Mangistown region;
 11 – adobe mausoleum at the Abat Baytak burial ground in Western Kazakhstan;
 12 – Shilkov-Meirama mazar in Western Kazakhstan.

Черная палата представляет собой типичный пример центрического мавзолея, имеющего четыре входа и одинаковые фасады со всех сторон. Наиболее ранней из известных построек этого типа является мавзолей Исмаила Самани X в. в Бухаре. По объемно-пространственной композиции Черной палате наиболее близки центрические мавзолеи Даваздах имама в Йезде (XI в.) и мавзолей султана Санджара в Мерве (XII в.), а также закрытые фасадные мавзолеи Фахраддина Рази (XII в.) в Куня Ургенче, и Гунбад-е Сурх в Мараге [32, с.315–328; 36, с. 174–179; 40, р. 291; 35, с. 81–83]. Эти здания состоят из одного или нескольких квадратных в плане ярусов, которые переходят в восьмигранную призму, увенчанную куполом или шатром. Такую структуру исследователи связывают с сельджукской традицией [36, с. 176–177; 40, р. 294]. Подобные мавзолеи известны и в Анатолии, хотя для этого региона более характерны башенные мавзолеи. Примером кубического мавзолея с шатровым покрытием является усыпальница Нур ад-Дина бей Сентимура [40, р. 307]. Эта традиция получила развитие в постсельджукское и раннеосманское время. Именно турецкие мавзолеи и небольшие мечети XIV–XV вв. (рис. 7.2–5) по своей архитектонике напоминают Черную палату. Близость архитектурных форм и отделки связана также с тем, что эти здания возведены из камня.

Еще один тип мавзолеев в Золотой Орде, который был выделен относительно недавно – это так называемые башенные мавзолеи. По плану их можно разделить на круглые и многоугольные, в свою очередь, каждый из этих отделов, делится на два типа: фасадные и порталные. Круглые в плане башенные мавзолеи с порталом и без портала (рис. 8.1) видны на рисунке панорамы Маждара М. Некрасова (Зиливинская, 2010; 2013). Сырцовые мавзолеи такого плана исследованы в могильнике Шарахалсун 5 в Ставропольском крае и на городище Жайык в Западном Казахстане (рис. 8.2–3) [39; 20, с. 273–274]. Многогранные в плане мавзолеи без портала найдены на Кавказе близ Ессентуков, в Поволжье на Царевском городище, на могильнике Солодовка 1 в окрестностях Царевского городища, в Волгоградской области у хутора Веселый и у с. Изобильное в Оренбургской области (рис. 8.5–10) [29, с. 229–238; 3, с. 227–237; 8; 10, с. 108–116; 7, с. 153–160]. Многогранные мавзолеи с выступающим порталом (рис. 5.4), судя по сохранившимся рисункам, присутствовали в некрополе Маджара [14; 15]. Известным памятником такой планировки является дюрбе Джанике-ханым в Чуфут-Кале (рис. 8. 11) [13, с. 124–126]. Очень близок по форме к нему мавзолей близ устья реки Мечетной, известный по рисунку 1769 г. (рис. 8. 12) [12, с. 128].

Башенные мавзолеи представляют собой одну из линий развития мемориальных построек. Возникают они в самом начале XI в. в Иране. Самой ранней постройкой такой формы является башня Гумбад-и Кабус. В Иране известны и другие башенные мавзолеи. Это Гунбад-и Али (1056 г.) в Йазде, гробницы Пир-и Аламдара (1026 г.) в Дамгане, башня Тугрил-бека (1136 г.) в Рее, Масум Заде в Мехмандасте близ Дамгана, мавзолей в Бестаме (XIII–XIV вв.) и Мавзолей в Радкане (1281 г.) [45, с. 34–42]. Башенные мавзолеи Ирана могут быть круглыми в плане, круглыми с гофрированными стенами и многогранными с купольным и шатровым покрытием.

В Малой Азии башенные мавзолеи получают широчайшее распространение при сельджуках. Анатолийские мавзолеи представляют собой круглые или многогранные в плане постройки, увенчанные шатровым покрытием. Некоторые исследователи называют их «карандашиками». Постройки сложены из тщательно обработанных каменных блоков и зачастую богато декорированы тонкой резьбой по камню. Большинство башенных мавзолеев Малой Азии не имеют выделенных

порталов, вход оформлен слегка заглубленной сталактитовой нишей. В качестве примера можно привести Ситте Мелик в Дивриги (XII в.), Кылыч Арслана в Конье (XII в.), мавзолеей Караманоглу Алаеддин бея в Карамане (XIII в.), Али Кафер в Кайсери (XIII в.), Худавет Хатун тюрге в Нигде (XIV в.) и др. (рис. 9. 1–5) [40, р. 306–311, 540–542; 44, р. 50–53]. В мемориальном строительстве Азербайджана основной формой также является башенный мавзолей. К таковым относятся мавзолеи Юсуфа ибн Кусейра (XII в.), Момине-хатун (XII в.), Гунбад-е Кабуд в Мараге (XII в.), и более поздние усыпальницы XIV в. такие как мавзолеи в с. Барда, в с. Карабаглар и др. (рис. 9.6–12) [35, с. 80–104, 127–162; 5, с. 96–199].

Судя по изображению неизвестного мавзолея на карте Северного Кавказа подполковника Штедера 1782, золотоордынские башенные мавзолеи более всего напоминали анатолийские «карандашики».

Еще один, весьма редкий тип золотоордынских мемориальных построек – это пирамидальные мавзолеи. До недавнего времени была известна только одна такая постройка, изображенная на рисунке маджарских мавзолеев из альманаха А.Ф. Бюшинга (рис. 10.1). Это восьмигранная в плане, сужающаяся кверху постройка, на одной из граней которого находился невысокий, слабо выдвинутый вперед портал. Еще одно башнеобразное, сужающееся кверху здание изображено на одной из акварелей М.М. Иванова (рис. 10.2). Кроме того, С.-Г. Гмелин писал о пирамидальных зданиях в самом Маджаре и о трех зданиях треугольной формы в 10 верстах ниже по течению Кумы [38, с. 8, 11]. С большой долей вероятности, можно считать, что два многогранных сырцовых мавзолея, исследованных в Поволжье (рис. 10.3–4), тоже имели пирамидальную форму [9, с. 281–303].

Пирамидальные мавзолеи представляют собой архаичный тип надгробных сооружений, которые были распространены в Фергане, Семиречье, Центральном, Юго-Западном и Западном Казахстане. Датируются они исследователями в широком диапазоне – от раннего средневековья до начала XX в. [31, с. 61–67; 25, с. 260]. Среди этих построек наиболее известны мавзолеи Козы-Корпеч – Баянсулу и Дынгек в Восточном Казахстане, сложенные из камней (рис. 10.5–6) [22, рис. 50–53]. Квадратное в плане помещение этих сооружений перекрыто очень высоким коническим куполом, сложенным в технике «ложного свода». Так как захоронений в этих постройках найдено, но внутри или рядом с ними находились каменные изваяния, их считают не погребальными, а скорее, поминальными памятниками. Подобные сооружения исследовал в Центральном Казахстане А.Х. Маргулан, который считал их памятниками кыпчаков VIII–IX вв. [25, с. 262]. Я.А. Шер на основе анализа каменных скульптур датировал пирамидальные сооружения X–XII вв. [37]. Остальные исследователи относили их к позднему средневековью или Новому времени. М. Кожа на основе изучения описаний, рисунков и фотографий построек и каменных скульптур, а также анализа легенд и преданий пришел к выводу, что каменные пирамидальные постройки являются поминальными храмами древнетюркского периода (IX–XI вв.). Большая часть их них находятся на землях Кимекского каганата, в составе которого главными племенами считались кимеки и кыпчаки [25].

Г.А. Пугаченкова считала, что форма пирамидальных мавзолеев, возникших у кочевых и полукочевых тюрок, восходит к курганам и древним курганообразным надмогильным сооружениям [31, с. 57–77]. Такие сооружения, вероятно, описывал Г. Рубрук, когда говорил о пирамидах, которые сооружают на курганах половцы [34, с. 101]. По предположению Г.А. Пугаченковой, в дальнейшем пирамидальные постройки соединяются с типом среднеазиатского кирпичного минарета, что привело к формированию архитектурного образа башне-

образного мавзолея с шатровым перекрытием [31, с. 69–74]. Примерами таких мемориальных построек достаточно архаического облика являются башни Бегим-ана (Бегим-мунара) и Сараман-коса (рис. 10.7) в Низовьях Сырдарьи. Согласно легендам, эти башни связаны с правителем города Джанкента, столицы огузов в X в. [25, с. 262–263]. На основе анализа особенностей строительной техники этих зданий Г.А. Пугаченкова также датирует их X – самым началом XI в. [31, с. 66–67]. Захоронений в башнях не найдено, следовательно, как и пирамидальные сооружения, они не являются собственно мавзолеями. Однако в дальнейшем пирамидальные и башенные поминальные памятники тюрок (кыпчаков и огузов) трансформируются в мусульманские мавзолеи подобных форм. Мавзолеи этих типов, относящиеся к XIX – началу XX в., встречаются на современных кладбищах в различных частях Казахстана (рис. 10.8–12) [1, с. 222–223].

Заключение

Таким образом, мемориальные постройки свидетельствуют о тесных связях Золотой Орды с другими мусульманскими государствами. Анализ планировки и строительной техники мавзолеев позволяет сделать вывод о том, что в сложении золотоордынского мемориального зодчества прослеживается несколько направлений. Очень существенным было влияние среднеазиатской школы, связанной со строительством из обожженного и сырцового кирпича. Архитектурные формы кирпичных мавзолеев, распространенных преимущественно в степной зоне (Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Западный Казахстан), находят прямые аналогии среди памятников Средней Азии, прежде всего, Хорезма. Следует отметить, что при сооружении этих зданий применялись такие декоративные элементы как поливные изразцы, резной ганч, ганчевые решетки-панджара, также характерные для зодчества Ирана и Средней Азии. Таким образом, мы можем говорить не только о проникновении ислама в Золотую Орду из Хорезма, но и об участии хорезмийских мастеров в строительстве культовых зданий.

В памятниках, выполненных в технике каменного строительства (Волжская Болгария, Крым) отчетливо прослеживается влияние Малой Азии и Закавказья. Оно выражается как в архитектонике зданий, так и применении строительных приемов, таких как, например, «турецкий треугольник» и пирамидальные тромпы. Золотоордынские башенные мавзолеи, скорее всего, являлись точной копией малоазийских и азербайджанских. При наличии декоративного убранства, в каменном строительстве использовалась резьба по камню, также связанная с закавказскими и малоазийскими традициями. Достаточно упомянуть такие характерные декоративные элементы как «сельджукская цепь» и ниша с треугольным завершением, заполненным сталактитами.

Наряду с типичными для мусульманского мира формами мемориальных зданий, в улусе Джучи присутствовали постройки архаического облика. Исследование погребальных памятников показало, что принятие ислама в Золотой Орде не было одномоментным, и среди кочевого и частично городского населения государства достаточно долгое время сохранялись пережитки домусульманских верований [6]. Это прослеживается и на примере архитектуры погребальных построек. В Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе (а возможно, и в других частях государства) строились пирамидальные мавзолеи, форму которых исследователи выводят из надмогильных сооружений в виде курганов и связывают с тюркскими поминальными постройками IX–XI вв.

Публикуется в соответствии с планами НИР Института этнологии и антропологии РАН «Эволюционный континуум рода Homo».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: НИЦ «Ғылым», 2002. 652 с.
2. Ажигали С.Е., Турганбаева Л.Р. Абат Байтак – жемчужина Казахской степи. Алматы, 2004. 32 с.
3. Блохин В.Г. Исследование мемориального комплекса на юго-западной окраине Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. Вып. 9. С. 227–237.
4. Боталов С.Г., Маламуд Г.Я. Погребальный комплекс Кесене // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. № 3. С. 162–168.
5. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. М.: Искусство, 1966. 785 с.
6. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет». 192 с.
7. Гарустович Г.Н., Турецкий М.А. Новый тип мусульманских мавзолеев золотоордынского времени на Южном Урале // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. 2–6 октября 2011 г. Казань, Астрахань, 2011. С. 153–160.
8. Глухов А.А. Отчет о работе археологического отряда «Гюлистан» Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета на территории Ленинского района Волгоградской области в 2005 г. // Архив Института археологии Российской Академии наук, Р-1 № 25967.
9. Дворниченко В.В., Зиливинская Э.Д. Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2005. Вып. 7. С. 281–303.
10. Демиденко С.В. Охранные раскопки на левобережье Цимлянского водохранилища // Историко-археологический альманах. Вып. 10. Армавир-Краснодар-Москва, 2011. С. 108–116.
11. Егеров В.В. Архитектура города Болгара // Материалы по исследованию археологии СССР, М.: Л., 1958, № 61. С. 360–392.
12. Ельников М.В. Охоронні дослідження золотоордынского міста «Кінські Води» // Старожитності ліво бережного подніпро'я. Київ-Полтава, 2013. С. 126–135.
13. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2. С. 113–168.
14. Зиливинская Э.Д. Золотоордынские мавзолеи Северного Кавказа // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2010. № 3. С. 52–69.
15. Зиливинская Э.Д. Архитектурные памятники Маджара по рисункам и описаниям XVIII в века // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, краеведение, музееведение. Вып. XI. М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 309–331.
16. Зиливинская Э. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. Москва-Казань: «Отечество», 2014. 448 с.
17. Зиливинская Э.Д. Среднеазиатские параллели в мемориальном зодчестве Мохши // Археология евразийских степей, № 6, 2022. С. 122–133. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.122.132>
18. Зиливинская Э.Д. Дюрбе Бей Юде-султан в Азизе: история изучения, архитектурная форма, вопросы датировки // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Т XXVII. Симферополь, 2022. С. 441–466. <https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.441-466>

19. Зиливинская Э.Д., Капарулина О.А. Известные рисунки маджарских мавзолеев из фондов Государственного Русского музея // Очерки средневековой археологии Кавказа. М.: Таус, 2013. С. 82–98.
20. Зиливинская Э.Д., Калменов М.Д., Сдыков М.Н. Культовый комплекс XIV в. на городище Жайык в Западном Казахстане // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 271–279.
21. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. XXII. Оренбург, 1910. 332 с.
22. Кастанье И.А. Надгробные сооружения Киргизских степей // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. XXVI. Оренбург, 1911. 130 с.
23. Кирилко В.П. Археологическое исследование мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая // Stratum plus. 2005–2009. № 6. С. 439–466.
24. Кирилко В.П. Хронологические парадоксы дюрбе Мухаммед-шах-бея в г. Бахчисарай // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 107–120. <https://doi.org/10.24852/ra2021.2.36.107.120>
25. Кожа М. Монументальные древнетюркские сооружения Казахстана // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Алматы-Актобе, 2011. С. 259–264.
26. Коран. Пер. И.Ю. Крачковского. М.: Маджесс, 1990. 367 с.
27. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Гумбез Манаса. М.: изд-во и 1-я тип. Гос. изд-ва архитектуры и градостроительства, 1950. 144 с.
28. Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шах-и Зинда. Ташкент: изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1979. 168 с.
29. Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. О Эссенукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана // Советская археология. 1974. № 2. С. 229–240.
30. Пальмов Н.Н. К Астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева // Известия Российской Академии наук. 1925. С. 201–216.
31. Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, вып. 1 (ред. М.Е.Массон). Ашхабад, 1949. С. 57–77.
32. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 492 с.
33. Райс Т.Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. М.: Центрполиграф, 2004. 238 с.
34. Рубрук Г. Путешествия в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монголов; Гийлем де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга марко Поло. М.: Мысль, 1997. 461 с.
35. Уссейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Гос. Изд. По строительству, архитектуре и строительным материалам, 1963. 396 с.
36. Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Ч. I. Берлин-Рига, 1996. 336 с.
37. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л.: Наука, 1966. 139 с.
38. Шестаков П.Д. Напоминание о древнем городе Маджаре // Труды IV археологического съезда, т. 1. Казань, 1884. С. 3–16.
39. Яковлев А.В. Отчет о раскопках курганных могильников Шарахалсун 5 на территории Апанасенского р-на Ставропольского края в 2001 г. // Архив Института археологии Российской академии наук, (без номера).
40. Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York: Columbia University Press, 1994. 645 p.
41. Magazin für die neue Historie und Geographie. Angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. Halle: Curt, 1769–1793. Th. 6. 1771. 556 p.
42. Pallas P.S. Voyage P.S. Pallas en différentes provinces de l'empire de Russie et dans l'Asie septentrionale. Paris, 1789–1793. T. II. Pl. X, p. 428.

43. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltersaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793–1794. B. I. Leipzig: Martini, 1799. 516 p.
44. Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Tashen, 1998. 238 p.
45. Stierlin H. Persian Art & Architecture. London: Thames & Hudson, 2012. 280 p.

Сведения об авторе: Эмма Давидовна Зиливинская – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (119334, Ленинский проспект, 32а, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3485-0359, ResearcherID: G-4161-2018. E-mail: eziliv@mail.ru

Поступила 16.08.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Опубликована онлайн 29.12.2023

REFERENCES

1. Azhigali S.E. *Nomadic architecture. The phenomenon of the history and culture of Eurasia (monuments of the Aral-Caspian region)*. Almaty: NIC «Fylym», 2002. 652 p. (In Russian)
2. Azhigali S.E., Turganbaeva L.R. *Abat Baitak – the pearl of the Kazakh steppe*. Almaty, 2004. 32 p. (In Russian)
3. Blohin V.G. Study of the memorial complex on the southwestern outskirts of the Tsarevskoye settlement. *The Lover Volga Archaeological Bulletin*. Volgograd: Volgograd State University Publ., 2008, no. 9, pp. 227–237. (In Russian)
4. Botalov S.G., Malamud G.Ya. Funerary complex of Kesene. *Ufa Archaeological Bulletin*. Ufa, 2001, no. 3, pp. 162–168. (In Russian)
5. Bretanickiy L.S. Architecture of Azerbaijan 12–15th centuries. and its place in the architecture of the Middle East. Moscow: Iskusstvo, 1966. 785 p. (in Russian)
6. Vasil'ev D.V. Islam in the Golden Horde. Historical and archaeological research. Astrahan: Astrahanskiy universitet Publ., 192 p. (In Russian)
7. Garustovich G.N., Tureckiy M.A. *Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Materials of the V International Conference dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov. October 2–6, 2011*. Kazan: Astrahan, 2011, pp. 153–160. (In Russian)
8. Gluhov A.A. Report on the work of the Gulistan archaeological team of the Volga Humanitarian Institute of the Volgograd State University on the territory of the Leninsky District of the Volgograd Region in 2005. *Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*, R–1, no. 25967. (In Russian)
9. Dvornichenko V.V., Zilivinskaya E.D. Medieval burial structures from the Krivaya Luka burial ground in the Astrakhan region. *The Lover Volga Archaeological Bulletin*. Volgograd, 2005, no. 7, pp. 281–303. (In Russian)
10. Demidenko S.V. Protective excavations on the left bank of the Tsimlyansk Reservoir. *Historical and archaeological almanac*, no. 10. Armavir-Krasnodar-Moscow, 2011, pp. 108–116. (In Russian)
11. Egerev V.V. Architecture of the City of Bolgar. *Materials and research on archeology of the USSR*, 1958, no. 61, pp. 360–392. (In Russian)
12. El'nikov M.V. Protective research of the Golden Horde city "Kinski Vody". *Antiquities on the left side of the Dnieper River*. Kyiv-Poltava, 2013, pp. 126–135. (In Ukrainian)
13. Zasyepkin B.N. Monuments of architecture of the Crimean Tatars. *Crimea*. 1927, no. 2, pp. 113–168. (In Russian)

14. Zilivinskaya E.D., 2010. Golden Horde mausoleums of the North Caucasus. *Zolotoordynskaya civilizaciya=Golden Horde civilization*. Kazan, 2010, no. 3, pp. 52–69. (In Russian)
15. Zilivinskaya E.D. Architectural monuments of Madjar based on drawings and descriptions of the 18th century. *Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Archeology, local history, museology*. Iss. XI. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2013, pp. 309–331. (In Russian)
16. Zilivinskaya E. Architecture of the Golden Horde. *Architecture of the Golden Horde. Part I. Religious architecture*. Moscow-Kazan: «Otechestvo», 2014. 448 p. (In Russian)
17. Zilivinskaya E.D. Central Asian parallels in the memorial architecture of Mohshi. *Archeology of the Eurasian Steppes*, no. 6, 2022, pp. 122–133. (In Russian) <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.122.132>
18. Zilivinskaya E.D. Durbe Bey Yude-Sultan in Aziz: history of study, architectural form, issues of dating. *Materials on archeology, history and ethnography of Tavria*. Vol. XXVII. Simferopol, 2022, pp. 441–466. (In Russian) <https://doi.org/10.29039/2413-189H.2022.27.441-466>
19. Zilivinskaya E.D., Kaparulina O.A. Unknown drawings of Madjar mausoleums from the collections of the State Russian Museum. *Essays on the medieval archeology of the Caucasus*. Moscow: Taus, 2013, pp. 82–98. 20. (In Russian)
20. Zilivinskaya E.D., Kalmenov M.D., Sdykov M.N. Cult complex of the 14th century on the Zhayyk hillfort in Western Kazakhstan. *Zolotoordynskaya civilizaciya =Golden Horde civilization*. 2016, no. 9, pp. 271–279. (In Russian)
21. Kastan'e I.A. Antiquities of the Kirghiz steppe and the Orenburg region. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Vol. XXII. Orenburg, 1910. 332 p. (In Russian)
22. Kastan'e I.A. Gravestone structures of the Kirghiz steppes. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Vol. XXVI. Orenburg, 1911. 130 p. (In Russian)
23. Kirilko V.P. Archaeological study of Muslim mausoleums-durbe in Bakhchisarai. *Stratum plus*. 2005–2009, no. 6, pp. 439–466. (In Russian)
24. Kirilko V.P. Chronological paradoxes of the durbe of Muhammad-shah-bey in Bakhchisarai. *Povolzhskaya arheologiya=The Volga River Region Archaeology*. 2021, no. 2 (36). P. 107–120. <https://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.107.120> (In Russian)
25. Kozha M. Monumental ancient Turkic structures of Kazakhstan. *Aral-Caspian region in the history and culture of Eurasia*. Almaty-Aktobe, 2011, pp. 259–264. (In Russian)
26. *Koran*. Translation by I.Yu. Krachkovsky. Moscow: Madzhess, 1990. 367 p. (In Russian)
27. Masson M.E., Pugachenkova G.A. *Gumbez Manas*. Moscow: izd-vo i 1-ya tip. Gos. izd-va arhitektury i gradostroitel'stva, 1950. 144 p. (In Russian)
28. Nemceva N.B., Shvab Yu.Z. *Ensemble Shah-i Zinda*. Tashkent: izd-vo literatury i iskusstva im. Gafura Gulyama, 1979. 168 p. (In Russian)
29. Palimpsestova T.B., Runich A.P. On the Essentuki mausoleums and the camp of Uzbek-khan. *Soviet archeology*. 1974, no. 2, pp. 229–240. (In Russian)
30. Pal'mov N.N. On the Astrakhan Period in the life of V. N. Tatischev. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences*. 1925, pp. 201–216. (In Russian)
31. Pugachenkova G.A. On the problem of the emergence of tented mausoleums in Khorasan. *Proceedings of the South-Turkmenistan archaeological complex expedition*, vol. 1 (Ed. M.E. Masson). Ashkhabad, 1949, pp. 57–77. (In Russian)
32. Pugachenkova G.A. *Ways of development of the architecture of Southern Turkmenistan during the period of slavery and feudalism*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. 492 p. (In Russian)

33. Rajs T.T. Seljuks. Nomads – the conquerors of Asia Minor. Moscow: Tsentrpoligraf, 2004. 238 p. (In Russian)
34. Rubruk G. Travels to the Eastern Countries. *Giovanni del Plano Carpini. History of the Mongols; Guillem de Rubruk. Travel to Eastern countries; Marco Polo book.* Moscow: Mysl, 1997. 461 p. (In Russian)
35. Usseynov M.A., Bretanickiy L.S., Salamzade A. History of architecture of Azerbaijan. Moscow: Gos. Izd. Po stroitel'stvu, arhitekture i stroitel'nym materialam, 1963. 396 p. (In Russian)
36. Khmel'nitskiy S. Between the Samanids and the Mongols. Architecture of Central Asia in the 11th – beginning of the 13th centuries. Part I. Berlin-Riga, 1996. 336 p. (In Russian)
37. Sher Ya.A. *Stone statues of Semirechye.* Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1966. 139 p. (In Russian)
38. Shestakov P.D. Napominanie o drevnem gorode Madzhare. *Proceedings of the IV Archaeological Congress.* Vol. 1. Kazan, 1884, pp. 3–16. (In Russian)
39. Yakovlev A.V. Report on the excavations of the burial mounds of Sharakhalsun 5 on the territory of the Apanasensky district of the Stavropol Territory in 2001. *Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*, (without a number). (In Russian)
40. Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York: Columbia University Press, 1994. 645 p.
41. Magazin für die neue Historie und Geographie. Angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. Halle: Curt, 1769–1793. Th. 6. 1771. 556 p.
42. Pallas P.S. Voyage P.S. Pallas en différentes provinces de l'empire de Russie et dans l'Asie septentrionale. Paris, 1789–1793. Vol. II. Pl. X, p. 428.
43. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltersaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793–1794. B. I. Leipzig: Martini, 1799. 516 p.
44. Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Tashen, 1998. 238 p.
45. Stierlin H. Persian Art & Architecture. London: Thames & Hudson, 2012. 280 p.

About the author: Emma D. Zilivinskaya – Dr. Sci. (History), Leading Researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninsky Avenue, Moscow 119334, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3485-0359, ResearcherID: G-4161-2018. E-mail: eziliv@mail.ru

Received August 16, 2023 Accepted for publication November 23, 2023
Published December 29, 2023